

КАРЛ ГУСТАВ

ЮНГ

*ПРОБЛЕМА ДУШИ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Карл Густав Юнг Проблемы души нашего времени

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67820777
Карл Густав Юнг Проблема души нашего времени:
ISBN 978-5-17-139317-5

Аннотация

В эпоху ускорения прогресса на нас обрушилась лавина нервных и личностных расстройств, неведомых нашим предкам еще пару столетий назад. Психика современного человека необратимо изменилась, и с каждым годом угроз для нее становится все больше. Комплексы, синдромы и навязчивые состояния множатся с пугающей скоростью. Но больше всего, по мнению Юнга, пострадала душа человека. Стремительные перемены, к которым быстро и во многом с удовольствием приспособились тело и интеллект, оказались непосильными и разрушительными для глубинной основы нашего бытия – души.

Возможно ли объяснить душу? Как подступиться к этой загадочной эфемерной субстанции и поддается ли она изучению и коррекции? И есть ли способы разрешения конфликта тела и духа, раздражающего современного человека?

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие к первому изданию (1931)[1]	7
Предисловие ко второму изданию (1933)[2]	9
Проблемы современной психотерапии[3]	11
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Карл Густав Юнг

Проблема души нашего времени

C. G. Jung

SEELENPROBLEME DER GEGENWART

Серия «Эксклюзивная классика»

Серийное оформление А. Фереза, Е. Ферез

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения Paul & Peter Fritz Agency.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Rascher Verlag, 1931

© Foundation of the Works of C. G. Jung, Zürich, 2007

© Перевод. А. Анваер, 2022

© Перевод. А. Чечина, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Предисловие к первому изданию (1931)¹

Публикуемые в этом сборнике доклады и статьи обязаны своим появлением тем вопросам, которые стоят сейчас перед обществом. Уже сама постановка этих вопросов создает довольно ясную картину психологической проблематики нашего времени. Ответы на эти вопросы обусловлены моим личным и профессиональным опытом изучения психической жизни человека в наше странное и необычное время.

Общество полагает, будто существуют конкретные ответы, «решения» или представления, способные пролить свет на стоящие перед ним проблемы, и в этом состоит его главная ошибка. Правда – это прекрасно, но она, как уже тысячу раз показывала история, не принесет никакой пользы, если не является плодом исконного внутреннего опыта индивида. Любой однозначный, так называемый «ясный» ответ застревает в головах и лишь в редчайших случаях находит путь к сердцу. Нам необходимо не просто *знать* истину, нам надо ее *пережить* и прочувствовать. Величайшая проблема заключается не в том, как составить интеллектуальное представление о предмете, а в том, как найти путь к внутреннему, возможно, бессловесному, иррациональному опыту. Нет

¹ Перевод А. Анваера

ничего более бесплодного, чем вести речь о том, как может и должно быть, и нет ничего более важного, чем отыскать ведущий к этой далекой цели путь. Очень многие знают, как должно быть, но кто укажет путь, которым можно этого достичь?

Как явствует из самого названия книги, речь в ней идет не о решениях, а о проблемах. Усилия проникнуть в психическую жизнь пока сосредоточены на проблемах; мы еще только ищем способы постановки сущностных вопросов, и когда и если они будут найдены, проблемы можно считать наполовину решенными. Представленные здесь статьи посвящены поискам решения исполинской проблемы «души», проблемы, которая терзает современных людей куда сильнее, чем наших ближайших и далеких предков.

Кюснахт-Цюрих, декабрь 1930 года

К. Г. Юнг

Предисловие ко второму изданию (1933)²

После выхода в свет первого издания прошло всего полтора года, соответственно у меня не было особых оснований вносить существенные коррективы в свой текст. Поэтому новое издание моих статей выходит без изменений.

Так как мне неизвестны какие-либо принципиальные возражения читателей, каковые потребовали бы от меня развернутого ответа, и я не имею сведений о том, что что-либо в моих статьях вызвало у них недопонимание, я не вижу никаких оснований для длинного предисловия. Как бы то ни было, часто предъявляемый мне упрек в чрезмерном увлечении психологизмом не является поводом для длинных экскурсов, ибо ни один здравомыслящий читатель не может ожидать от меня, чтобы я отступил от главного своего принципа, который заключается в следующем: рассматривать и оценивать все наблюдаемые проявления душевной жизни с точки зрения психологии, не отклоняясь в сторону метафизики и теологии.

То, что в этих вопросах невозможно высказать окончательную и непререкаемую истину, понимает любой разумный человек. Абсолютные утверждения относятся к области

² Перевод А. Анваера

веры – или суть проявления нескромности.

Кюснахт-Цюрих, июль 1932 года

К. Г. Юнг

Проблемы современной психотерапии³

Психотерапия, а именно лечение души и душевное лечение, в настоящее время – в популярном понимании – считается тождественным психоанализу.

Слово «психоанализ» в такой мере стало всеобщим достоянием, что каждый, кто употребляет это слово, уверен, что понимает его значение. Однако истинное значение этого слова профану в большинстве случаев неизвестно. Я внесу ясность: психоанализом, по воле его создателя доктора Фрейда, называют более или менее удачно разработанный метод сведения душевных симптомокомплексов к известным вытесненным влечениям; в той мере, в какой эта процедура невозможна без соответствующей концепции, понятие психоанализа включает в себя известные теоретические предпосылки, а именно фрейдовскую теорию сексуальности в том виде, в каком она была отчетливо изложена самим автором. В противоположность этому профан, как правило, пользуется понятием психоанализа для обозначения всех современных попыток приблизиться к пониманию психики с науч-

³ Опубликовано в «*Schweizerischen Medizinischen Jahrbuch*» в 1929, и в «*Seelenprobleme der Gegenwart*», 5 Aufl. 1950, p. 1 ff. [Psychologische Abhandlungen III]. Перевод А. Анваера

но-методических позиций. Если следовать такому пониманию, то и взгляды школы Адлера тоже можно отнести к «психоанализу», несмотря на то что взгляды и метод Адлера находятся в непримиримом противоречии с таковыми у Фрейда. Поэтому Адлер называет свою психологию не «психоанализом», а «индивидуальной психологией», в то время как я для обозначения моей концепции предпочитаю выражение «аналитическая психология», понимая под этим термином некое собирательное понятие, которое вмещает в себя «психоанализ», «индивидуальную психологию» и другие направления в области *комплексной психологии*.

Так как существует всего одна человеческая душа, то, естественно, существует и всего одна психология, как это и представляется профану, по каковой причине он воспринимает различия в «психологиях» либо как результат субъективного умствования, либо как попытки мелких людишек воздвигнуть себе пусть маленький, но трон. Я мог бы при желании легко продолжить список «психологий», упомянув и другие попытки, которые невозможно втиснуть в понятие «аналитической психологии». Фактически существует множество различных методов, точек зрения, взглядов и убеждений, которые борются друг с другом, главным образом потому, что их поборники не понимают друг друга и поэтому не признают друг за другом права на существование. Множественность и разнообразие психологических воззрений нашего времени поистине поразительны, необозримы для про-

фанов и вызывают путаницу в их умах.

Когда в медицинском учебнике обнаруживается, что для лечения какой-либо болезни имеется великое множество лекарств самой разнообразной природы, то неизбежно делается вывод, что ни одно из этих средств не является особенно действенным. Если же указано множество путей проникновения в психику, то каждый может спокойно предположить, что ни один из этих путей с полной гарантией не ведет к заявленной цели; уж всяко это справедливо для тех путей, авторы которых отстаивают и расхваливают их с невиданным фанатизмом. Фактически само обилие современных «психологий» является выражением того, что мы находимся в затруднительном положении. Доступ к душе, как и сама душа, постепенно все больше выступает в роли главной трудности, как «проблема рогов»⁴, если воспользоваться выражением Ницше, и потому нет ничего удивительного в том, что множатся попытки подобраться к неподдающейся решению загадке с разных сторон и самыми разными способами. Следовательно, просто по необходимости возникает противоречивое множество точек зрения и мнений.

Можно с полным правом согласиться со мной в том, что, когда мы ведем речь о «психоанализе», мы не ограничиваем себя узким определением, но имеем в виду общие успехи и

⁴ Отсылка к работе Ф. Ницше «Об истине и лжи во вненравственном смысле», где утверждается, что ложь является способом самосохранения наиболее хилых и слабых особей, «которые не могут отстаивать себя в борьбе за существование с помощью рогов или зубов». Перевод К. Свасьяна. – *Примеч. ред.*

неудачи всех попыток, предпринятых к настоящему времени для решения психических проблем, которые мы включаем в понятие аналитической психологии.

Между прочим, почему именно ныне человеческая психика как факт опыта стала настолько интересной? На протяжении тысячелетий она такого интереса не вызывала. Я хочу лишь задать этот, по-видимому, неуместный, вопрос, но не буду на него отвечать. Но вопрос этот все-таки уместен, ибо цели нынешнего интереса к психологии связаны с этим вопросом какой-то неясной глубинной связью.

Все, что сегодня выступает под любительским понятием «психоанализ», коренится во врачебной практике и потому относится по большей части к медицинской психологии. Кабинет консультирующего врача оставил на этой психологии свой очевидный отпечаток, и это отражается не только в терминологии, но и в формировании теоретических концепций. Повсюду мы сталкиваемся с предположениями из области биологии и других естественных наук и предпочтениями врачей. Отсюда в значительной мере проистекает отчуждение между академическими гуманитарными науками и современной психологией, ибо последняя дает объяснения в понятиях иррациональной природы, а первые основывают свои объяснения на духе. Эта и без того трудно преодолимая пропасть будет только углубляться и расширяться благодаря медицинско-биологической номенклатуре, которая чисто ремесленно предполагает – и столь же нередко вы-

сказывает – слишком упорные притязания на благосклонное понимание.

Я откровенно высказал свое мнение, чтобы не остались без внимания предварительные общие замечания относительно концептуальной путаницы в данной области знаний, а теперь мне хотелось бы обратиться к нашей непосредственной задаче, а именно, поведать подробнее о достижениях аналитической психологии.

При исключительном разнообразии направлений нашей психологии можно лишь с очень большим трудом определить обобщающие точки зрения. Таким образом, если я попытаюсь разделить цели и достижения на категории – или, лучше сказать, на ступени, – то надо оговориться, что это предварительная попытка, которой можно предъявить тот же упрек, что и раскинутой на карте страны координатной сетке. Как бы то ни было, я хочу осмелиться рассмотреть общий результат, исходя из четырех ступеней, а именно: *признания, просвещения, воспитания и метаморфозы*. Ниже я разберу эти, возможно, несколько чужеродные обозначения.

Основу всякого аналитического душевного лечения можно уподобить исповедальному признанию. Так как эта основа не имеет причинных связей, но характеризуется лишь иррациональными коренными психическими взаимозависимостями, то далеким от этих проблем людям трудно без дополнительных пояснений понять, как можно увязать начатки психоанализа с религиозным институтом исповеди.

Стоило только человеческому духу изобрести идею греха, как сразу же возникло нечто скрытое психическое, которое на аналитическом языке назвали вытесненным. Скрытое есть нечто тайное. Обладание тайной действует как душевный яд, который отчуждает носителя тайны от общества. В небольших дозах этот яд может стать неоценимым целительным средством и даже неременным предварительным условием всякого индивидуального обособления (дифференциации), причем в такой степени, что человек даже на первобытных ступенях развития испытывает неодолимую потребность изобретать тайны, чтобы путем обладания ими не раствориться в бессознательном сообществе, то есть защитить свою душу от смертельной угрозы. Этому инстинкту обособления, как давно известно, служат широко распространенные древние обряды посвящения с их культовыми таинствами. Собственно, христианские таинства еще в первоначальной церкви имели значение мистерий: например, крещение торжественно отправлялось в отдельном изолированном помещении, а говорили о нем аллегорическим, непонятным для непосвященных языком.

При вознаграждающей природе такой, разделяемой многими, тайны невероятно разрушительно действует личная, персональная тайна. Она воздействует как вина, которая отсекает своего несчастного обладателя от сообщества других людей. Если человек сознает, что он скрывает, тайна менее разрушительна для него, чем в тех случаях, когда он

незаметно для себя вытесняет ее из сознания. В этом случае скрытое содержание сохраняется в тайне неосознанно, то есть человек прячет его и от себя самого; это содержание в форме самостоятельного комплекса отщепляется от сознания и в области бессознательной психики ведет собственное бытие, не отягощенное вмешательством сознания и коррекцией с его стороны. Комплекс образует, так сказать, маленькую замкнутую психику, которая, как показывает опыт, осуществляет независимую деятельность по порождению фантазий. Фантазия, вообще говоря, есть самодеятельность души, которая прорывается всякий раз там, где ослабевает или вовсе прекращается тормозящее влияние сознания, как это происходит, например, во сне. Во сне фантазии воспринимаются как сновидения. Но и в состоянии бодрствования мы продолжаем видеть сны, пусть ниже порога сознания; в особенности часто это происходит благодаря вытесненным или по каким-то иным причинам неосознаваемым комплексам. Попутно можно указать, что бессознательное содержание состоит отнюдь не только из некогда осознанного материала, который затем в результате вытеснения переместился в подсознание в виде ставших неосознаваемыми комплексов; оно имеет собственное содержание, которое, поднимаясь из неизведанных глубин, постепенно достигает сознания. Следовательно, никоим образом нельзя считать бессознательную психику всего-навсего простым хранилищем содержаний, вытесненных из сознания.

Все неосознанные содержания, которые либо достигли порога сознания снизу, либо находятся не слишком глубоко от порога сознания, влияют на сознание. Это влияние – ибо содержание не является сознанию в чистом виде, непосредственно – по необходимости является косвенным и опосредованным. Большинство так называемых *ошибок сознания* (*оговорок*) восходит к таким нарушениям, как и так называемые *невротические симптомы* психогенной природы. (Исключения составляют так называемые шоковые воздействия, например потрясение, вызванное разрывом гранаты.)

Самыми легкими формами невроза являются ошибки сознания – например, оговорка, внезапное забывание имен и дат, неожиданная неловкость, приводящая к травме и тому подобным последствиям; неправильное понимание и так называемые галлюцинаторные воспоминания – человек может быть уверен, что он что-то сказал или сделал, в то время как в действительности он этого не делал и не говорил; неверное понимание услышанного или прочитанного и так далее.

Во всех этих случаях глубокое исследование позволяет обнаружить существование содержания, каковое опосредованно и бессознательно искажает деятельность сознания.

По этой причине нарушения, обусловленные бессознательной тайной, являются более тяжелыми, нежели нарушения, вызываемые тайной осознаваемой. Я видел многих пациентов, у которых в результате тяжелых жизненных ситуаций, способных вызвать у слабых натур неодолимую тягу к

самоубийству, действительно развивалась склонность к самоубийству, но рассудок не допускал ее осознания, и, следовательно, у таких пациентов формировался бессознательный комплекс самоубийства. Бессознательная тяга к самоубийству, со своей стороны, становилась причиной всякого рода опасных случайностей, например: приступов головокружения в опасном месте, замедления ходьбы или остановки перед едущим автомобилем, ошибок, в результате которых путают микстуру от кашля с раствором сулемы, внезапного желания совершить рискованный акробатический трюк и тому подобного. Если в таких случаях удавалось сделать осознанной тягу к самоубийству, то рассудок ее подавлял и действовал благотворно, поскольку пациент начинал осознавать возможность самоубийства и старался того избегать.

Все личные тайные переживания носят признаки греховности и вины, независимо от того, являются ли они таковыми или нет с точки зрения общепринятой морали.

Другой формой укрывательства является сдерживание. Сдерживаются чаще всего *аффекты*. Здесь следует особо подчеркнуть, что сдерживание является полезной и целительной добродетелью, именно поэтому мы обнаруживаем самодисциплину в качестве самых ранних моральных и нравственных практик уже у первобытных, примитивных народов, где она выступает частью ритуалов посвящения и инициации, преимущественно в форме демонстрации умения стоически переносить боль и страх и соблюдать аскети-

ческую умеренность. Но в данном случае сдерживание практикуется в недрах какого-либо тайного общества, в качестве действия, которое выполняют все другие его участники. Если же сдерживание является сугубо личным – и не связано с каким-либо религиозным мировоззрением, – то оно, как и личная тайна, может стать вредоносным. Отсюда часто наблюдаемые у избыточно добродетельных людей случаи плохого настроения и повышенной раздражительности. В любом случае сдерживаемый аффект – это то, что скрывают, причем человек может скрывать его от самого себя; в этом искусстве особенно преуспевают мужчины, в то время как женщины испытывают природную боязнь исказить аффект за счет сдерживания. Сдерживаемый аффект является таким же вредоносным, как и неосознанная тайна, и тоже вызывает чувство вины. Природа в известной мере обижается на нас, когда мы, обладая тайной, выделяемся среди остальных людей, – и она ставит нам в вину сокрытие наших эмоций от окружающих. В этом отношении природа испытывает ярко выраженный *horror vacui*⁵, и поэтому в долгой перспективе нет ничего более невыносимого, чем малодушная гармония, жидущаяся на сдерживаемых аффектах. Вытесненные эмоции нередко суть то же самое, что и неосознаваемая тайна. Часто, однако, в душе нет никакой достойной упоминания тайны, а есть всего лишь неосознанно сдерживаемые аффекты, обязанные своим происхождением прекрасно осознава-

⁵ Страх пустоты (лат.). – Примеч. ред.

емым ситуациям.

Соответственно преобладанию тайны или аффекта клинически проявляются различные формы неврозов. В любом случае щедрая на аффекты истерия имеет своей причиной неосознанную тайну, а у ожесточившегося психастеника налицо нарушение переработки аффекта.

Соккрытие тайны и сдерживание – тот урон, на который природа в конечном счете реагирует болезнью; само собой понятно, что это происходит только в тех случаях, когда соккрытие и сдерживание являются сугубо личными. Если же соккрытие тайны и сдерживание практикуют совместно с другими людьми, то природа этим удовлетворяется, и тогда соккрытие и сдерживание расцениваются даже как достоинства и добродетели. Невыносимыми являются сугубо личные тайны. Мы видим это в случаях, когда человеческое общество имеет неуничтожимое право на вмешательство во все темное, несовершенное, глупое и преступное в отдельном человеке, а в результате эти свойства приходится скрывать из простого чувства самосохранения. Вполне естественным прегрешением является стремление прятать свою низкую ценность, а также стремление жить, исключив из своей жизни эту пониженную ценность. Представляется, что существует особый род человеческой совести, которая чувствительно наказывает каждого, кто хотя бы единожды гордо выставлял напоказ добродетели сдержанности и самоутверждения, что позволяло отбросить прочь осознание своей ущерб-

ной человечности. Без этого вырастает непреодолимая стена, которая отделяет страдающего индивидуума от живого ощущения – быть человеком среди людей.

Отсюда становится ясным грандиозное значение правдивой и безусловной исповеди; эта истина была очевидна и использовалась во всех мистериях и обрядах инициации древности; как говорили во время античных мистерий: «Избавься от всего, что имеешь, и обретешь».

Это изречение мы легко можем взять девизом для первого этапа разрешения психотерапевтической проблематики. Начатки психоанализа по своему содержанию суть не что иное, как повторное научное открытие древней истины; собственно, даже название, данное первой психоаналитической методике, а именно, «катарсис» – очищение, является весьма употребительным понятием, важным для античного обряда посвящения. Исходно метод катарсиса заключался в том, что больного переводили, насколько это возможно, на границу сознания – с использованием гипноза или без такового, то есть в состояние, известное в восточных системах йоги как состояние медитации, или созерцания. Отличие от йоги состоит в наблюдении за спорадическими появлениями смутных следов представлений, будь то образы или ощущения, ускользающие из темных закоулков незримого бессознательного с тем, чтобы эти представления являлись максимально незамутненному внутреннему взору. Таким образом снова становятся явными вытесненное и утраченное. Уже это са-

мо по себе является достижением, пусть даже случайным и болезненным, ибо малоценное и, собственно, дурное и безнравственное все же принадлежит мне и придает мне сущность и тело, это моя *темная тень*. Как я могу быть сущностью, если не отбрасываю тени? Темное тоже принадлежит моей цельности, и тем, что я осознаю свою тень, я получаю доступ к воспоминанию о том, что я такой же человек, как и все остальные. В любом случае, с этим, почти немым повторным открытием собственной цельности связано более раннее состояние, из которого развивается невроз как отщепленный комплекс. Умолчание может продлить изолированное положение комплекса, что ведет лишь к частичному улучшению состояния. Признанием же и принятием я снова раскрываю объятия человечеству, освобождаюсь от груза морального изгнания. Метод катарсиса имеет целью *полное признание*, не только интеллектуальную констатацию умом фактического положения вещей, но и разрешение сдерживаемых аффектов и признание сердцем фактического положения дел.

Как можно догадаться, велико влияние такого признания на наивное, бесхитрое состояние души, и этот целительный результат наблюдают поразительно часто. Но не только в том, что удастся излечить некоторых больных, хотелось бы видеть главное достижение нашей психологии на данной стадии; основное достижение, на мой взгляд, состоит в систематическом возвышении роли признания. Это имеет значение

для всех нас. Все мы, так или иначе, отделены от остальных за счет сокрытия личных тайн, а пропасти между людьми перекрываются эфемерными мостами мнений и иллюзий, легкодоступной имитацией настоящих мостов признания.

Прошу, не поймите меня так, будто я выдвигаю какие-то требования. Невозможно вообразить, насколько безвкусыными были бы всеобщие обоюдные признания. Психология лишь утверждает, что именно в признании заключается волшебная точка первичного «уплотнения» порядка. Эта точка не может непосредственно использоваться в лечении, ибо она выступает проблемой с весьма, если угодно, острыми шипами, что становится ясно на следующей стадии, называемой *разъяснением*.

Без дальнейших объяснений ясно, что новая психология сохранила бы верность идее признания, если бы катарсис доказал свою полезность в качестве исцеляющего средства. Во-первых, что самое главное, не всегда удается заставить пациента настолько приблизиться к бессознательному, чтобы он смог ощутить свою тень. По большей части – и это касается в первую очередь сложных, обладающих мощной привязанностью к сознанию натур – пациенты настолько сильно погружены в свое сознание, что их невозможно от него оторвать. Такие пациенты могут оказывать сильнейшее сопротивление всем попыткам оттеснить сознание, они хотят с полным пониманием рассказывать о своих трудностях и разбираться в них. Им есть в чем признаваться, и для этого они не долж-

ны обращаться к бессознательному. Такие пациенты требуют применения особой, многогранной техники для приближения к бессознательному.

Этот факт с самого начала ограничивает применимость метода катарсиса. Второе ограничение проявляется задним числом, уже на второй стадии – стадии разъяснения. Допустим, что в каком-то случае имело место очищающее признание (катарсис), невроз исчез, то есть его симптомы перестали быть видимыми и явными. Пациента можно считать выздоровевшим и отпустить. Однако он – или она, что бывает чаще, – не может уйти. За счет признания пациент привязывается к врачу. Насильственный разрыв этой связи может привести к злокачественному рецидиву. Более типичными и более примечательными являются известные случаи, когда такая связь не возникает: пациент уходит, по-видимому, здоровым и до такой степени зачарованным содержанием дальних закоулков своей души, что продолжает уже самостоятельно вызывать у себя катарсис за счет приспособления к жизни. Больной привязывается не к врачу, а к собственному бессознательному. С этими пациентами происходит то, что в незапамятные времена произошло с Тесеем и его спутником Пирифоем, которые спустились в Аид, чтобы вывести оттуда богиню подземного царства; когда они, утомленные спуском, ненадолго присели отдохнуть, их тела приросли к каменным ломам, с которых они уже не смогли встать.

Эти удивительные и неожиданные случаи также требуют

разъяснения, как и упомянутые в самом начале случаи, которые при самых добрых намерениях катарсиса оказались недоступными для разрешения. Хотя пациенты этих двух категорий сильно отличаются друг от друга, разъяснение для пациентов обеих категорий работает при одном условии – при условии фиксации, как правильно понял еще Фрейд. Совершенно отчетливо эти факты проявляются у последней категории пациентов, в особенности в тех случаях, когда пациенты после успешного катарсиса привязываются к врачу. Подобное уже наблюдали ранее в виде неблагоприятного следствия гипнотической терапии, но без понимания внутренних механизмов возникновения такой привязанности. Было, правда, выдвинуто объяснение, что обсуждаемая привязанность, по своей сути, является отношением отца и ребенка. Пациент оказывается в этой детской зависимости, от которой он не в состоянии защититься осознанно. Фиксация может приобретать поистине чрезвычайную силу, тем более поразительную, что за ней можно предполагать самые необычные мотивы. Так как привязанность является процессом, ускользающим от сознания, то сознание пациента ничего не может о нем сказать; отсюда возникает вопрос, как можно обойти это новое затруднение. Очевидно, что речь идет о формировании нового невроза, о новом симптоме, который возник в результате лечения. Несомненным внешним признаком этого состояния будет то обстоятельство, что чувственно окрашенное воспоминание об отце переносится на

врача, в результате чего врач, *nolens volens*⁶, предстает в роли отца и как таковой в известной мере превращает пациента в ребенка. Естественно, эта детскость пациента не возникает, как бог из машины, она присутствовала и ранее, но была вытеснена. Теперь она всплывает на поверхность и восстанавливает знакомую по детству ситуацию, в которой пациент вновь обретает давно недостававшего отца. Фрейд очень удачно назвал этот симптом *переносом*. В том, что возникает известная зависимость от оказывающего помощь врача, нет ничего аномального, это вполне объяснимое человеческое проявление. Аномалией и неожиданностью здесь является только невероятное упорство симптома и его недоступность для осознанной коррекции.

В том-то и заключается главное достижение Фрейда; он сумел, по меньшей мере, объяснить биологические аспекты этой привязанности и тем самым сделал возможным значительное развитие психологического знания. Сегодня с несомненностью доказано, что эта привязанность формируется благодаря существованию бессознательных фантазий. Эти фантазии вообще, как правило, носят *инцестуальный* характер. Этим признаком в достаточной степени можно объяснить тот факт, что данные фантазии остаются неосознанными, ибо при самом скрупулезном и добросовестном признании нельзя ожидать, что пациент сможет раскрыть такие фантазии, которые едва ли осознаются. Хотя Фрейд всегда

⁶ Волей или неволей (лат.). – Примеч. ред.

говорит об инцестуальных фантазиях, что они будто бы вытесняются, накопленный многолетний опыт говорит о том, что во многих случаях они либо не имеют осознаваемого содержания, либо в очень малой степени осознаются как самые призрачные намеки, в результате чего не могут быть вытеснены в результате осознанного намерения. На основании проведенных новейших исследований представляется более вероятным, что инцестуальные фантазии в подавляющем большинстве случаев являются и остаются неосознанными до тех пор, пока их не удастся вывести на поверхность сознания аналитическими методами. Я вовсе не хочу сказать, что извлечение на поверхность бессознательного является безнравственным вторжением в природу человека. Конечно, это вмешательство можно было бы назвать хирургической операцией на психике, но такая операция безусловно необходима, ибо инцестуальные фантазии являются причиной симптомокомплекса переноса. Перенос, конечно, есть искусственное явление, но, несмотря на это, обладает и патологической стороной.

Метод катарсиса, по существу, возвращает осознаваемому «Я» пациента доступное осознанию содержание, которое в норме и должно быть частью сознания, а вот разъяснение сообщает переносу содержание, которое в таких формах едва ли стало бы доступным сознанию. В этом принципиальное отличие этапа признания от этапа разъяснения.

До сих пор мы говорили о двух категориях случаев; о тех,

которые оказываются недоступными для катарсиса, и о тех, когда после успешного катарсиса развивается фиксация. О тех, у кого развивается фиксация и, соответственно, происходит перенос, уже было сказано. Наряду с ними существуют, как упоминалось выше, и те, у кого не возникает привязанности к врачу; они привязываются к своему бессознательному и застревают в этой привязанности. В этих случаях родительский образ переносится не на человека как на объект, а остается фантастическим представлением, которое при этом сохраняет ту же силу отношения и проявляется в такой же привязанности, как и перенос. Особенность первой категории, которая отнюдь не всегда способствует катарсису, объясняется в свете исследований Фрейда тем фактом, что упомянутые пациенты еще до начала лечения находятся в определенном отношении своей личности к родителям, придающем им (пациентам) авторитет, независимость и право на критику, то есть обнажающем качества, которые позволяют успешно противостоять катарсису. Это, как правило, образованные, многогранные личности, которые, в отличие от многих других, не становятся жертвами бессознательного влияния родительских образов, но так овладевают своей деятельностью, что неосознанно отождествляют себя с родителями, не завися от последних.

В присутствии переноса простой катарсис не работает, и поэтому Фрейд считал обоснованными существенные измене-

ния первоначального метода Брейера⁷. То, что Фрейд предложил делать, он назвал «методом толкования».

Такое развитие совершенно понятно и логично, ибо отношение переноса в особенности требует разъяснения. О том, насколько это важно, ни один дилетант не может дать себе отчет, но в еще большей степени это касается врача, который вдруг оказывается вплетенным в клубок недоступных пониманию фантастических представлений. То, что пациент переносит на врача, должно быть истолковано, то есть разъяснено. Поскольку сам больной не знает, что он переносит, постольку врач вынужден подвергнуть представленные пациентом осколки фантазий истолковывающему анализу. Самыми непосредственными и важнейшими психическими продуктами такого рода являются *сновидения*. По этой причине Фрейд исследовал область сновидений почти исключительно на предмет вытесненных несовместимых желаний и в процессе этой работы открыл инцестуальное содержание, о котором я уже говорил выше. Естественно, что в ходе этих исследований всплыл не только инцестуальный материал в узком смысле, но и вся та мыслимая грязь, на которую способна человеческая натура. Список этот, как известно, весьма велик. Придется трудиться всю жизнь, чтобы хоть в какой-то степени его исчерпать.

⁷ Й. Брейер – австрийский психиатр, наставник Фрейда и основоположник психоанализа. В соавторстве Брейер и Фрейд выпустили статью «О психологическом механизме истерических феноменов» (1893) и книгу «Очерки об истерии» (1895). – *Примеч. ред.*

Результатом метода разьяснения Фрейда явилась скрупулезная разработка теневых сторон человека – с размахом, какого прежде не знала история. Это самое действенное противоядие против всех идеалистических иллюзий о сущности человека. Не приходится поэтому удивляться тому обстоятельству, что против Фрейда и его школы поднялась мощная волна осуждения. Я не буду говорить о принципиальных любителях пребывать в иллюзиях, но хотел бы подчеркнуть, что среди противников метода толкований нашлось немало тех, кто не питал никаких иллюзий относительно теневых свойств человеческой природы, однако упрекал Фрейда в том, что нельзя объяснить человека, опираясь лишь на теньевую сторону. В конце концов существенна не тень, а тело, эту тень отбрасывающее.

Метод толкования Фрейда – это ведущее назад, так называемое *редукционное*, восстанавливающее разьяснение, и оно действительно может оказаться разрушительным, если становится чрезмерным и односторонним. Достижение, каковое стало возможным благодаря работе Фрейда с толкованиями, заключается в том факте, что человеческая природа имеет темную сторону, и влиянию последней подвержен не только сам человек, но и его творения, учреждения и убеждения. Собственно, даже наши сокровенные и священные воззрения зиждутся на глубоком темном основании, так что, в конечном счете, объяснить строение дома можно не только начиная с конька крыши, но и с подвала, причем второе

объяснение имеет то преимущество, что генетически оно более верное, ибо дома строятся не с крыши, а с фундамента, а сверх того, все сущее и развивающееся начинается с простого и необработанного сырья. Ни один мыслящий человек не станет отрицать, что данное Саломоном Рейнаком⁸ объяснение сути церковного причастия первобытным тотемным мировоззрением имеет глубокий смысл. Потому он ничуть не склонен отвергать приложение гипотезы инцеста к греческим мифам о богах. Понятно, что для наших чувств весьма болезненно толковать «сияющие вершины» на основании теневой стороны и таким образом перемещать их в жалкую грязь первоначал. Но я считаю это слабостью прекрасных и возвышенных натур, слабостью человека: что это за идеалы, если они так легко разрушаются теневыми объяснениями? Страх перед толкованиями Фрейда проистекает исключительно из нашей варварской детской наивности, которая до сих пор не знает, что высокое всегда стоит на глубоком, и что *les extrêmes se touchent*⁹; эти истины являются окончательными и не подлежат сомнению. Мы ошибемся, правда, только в том случае, если станем придерживаться того мнения, что свет исчезнет, если мы будем объяснять его с точки зрения теневой стороны. Это прискорбное заблуждение,

⁸ Также Рейнах – французский археолог, вел раскопки в Малой Азии, автор популярного сочинения «Орфей. Всеобщая история религии» (1910). – *Примеч. ред.*

⁹ Крайности сходятся (*фр.*). – *Примеч. ред.*

жертвой которого пал и сам Фрейд. Тень принадлежит свету, зло принадлежит добру, и наоборот. Поэтому я не могу оплакивать потрясение, причиненное разъяснением нашим западным иллюзиям и ограничениям; наоборот, я приветствую его как исторически необходимое направление движения невероятного значения; ибо с ним в наш мир входит философский релятивизм, воплощенный Эйнштейном в физико-математической форме; по существу, это дальневосточная истина, от которой не стоит сейчас отказываться, ибо она действует.

Нет ничего менее действенного, чем интеллектуальные идеи. Однако, если идея является *фактом душевной жизни*, который проникает, казалось бы, без всяких очевидных исторических причинных связей, в самые разнообразные области, то к ней стоит присмотреться. Ибо идеи как факты душевной жизни представляют собой неоспоримую и непостижимую силу, каковая сильнее человека и его ума. Хотя человек воображает, будто он сам порождает эти идеи, но в реальности это они его порождают, и он бессознательно становится не чем иным, как их рупором.

Для того чтобы снова вернуться к нашей проблеме фиксации, мне бы хотелось еще раз коснуться вопроса о том, какое влияние оказывает разъяснение. Возвращение фиксации к темным истокам обесценивает позицию пациента; он не может не видеть неуместную детскость своих притязаний, благодаря чему в одном случае опускается с высокой

позиции своевольного авторитета на более скромный уровень осознанной и, возможно, целительной неуверенности, а в другом случае распознает неизбежность того, что притязание на принятие формы другого есть не что иное, как инфантильное удобство, которое должно смениться осознанием собственной ответственности.

Тот, кому что-то говорит интуиция, сделает из нее моральные выводы, и, вооруженный убеждением в своей ущербности, окунется в бытие, чтобы растратить в трудах и испытаниях те силы и страстные устремления, которые до тех пор побуждали его крепко держаться за свой детский рай или, по меньшей мере, смотреть в ту сторону. Нормальная адаптация и терпеливость в отношении к собственной ущербности станут ведущей моральной идеей с весьма вероятным крушением сентиментов и иллюзий. Неизбежным следствием становится отвращение от бессознательного как от средоточия слабости и соблазна, как от поля морального и социального поражения.

Проблема, которая после этого возникает перед пациентом, есть проблема *воспитания в себе социального человека*. Тут мы переходим на третью ступень. Простое понимание, которое для многих морально восприимчивых натур является достаточной мотивирующей силой, отказывает, однако, у людей с более скудными моральными фантазиями. Если над ними не занесен кнут неминуемо надвигающегося извне бедственного положения, то понимания недостаточно, даже

если пациент глубоко убежден в его истинности, не говоря уже обо всех остальных, кто понял просветляющее толкование, но все равно в глубине души сомневается. Опять-таки, существуют морально дифференцированные люди, которые, постигая истинность редукционного разъяснения, не могут при этом смириться с обесцениванием своих надежд и идеалов. Понимание отказывает и становится бесполезным. Метод разъяснения как раз и способствует выявлению именно восприимчивых натур, которые могут самостоятельно сделать из понимания моральные выводы. Разумеется, разъяснением удастся достичь большего, нежели простым неистолкованным признанием, ибо разъяснение, по меньшей мере, формирует дух, тем самым пробуждая, возможно, дремавшие до того силы, которые могут воздействовать в нужный миг с немалой пользой. Фактом остается, однако, то, что во многих случаях даже понятое и осознанное разъяснение все равно оставляет по себе негодный плод. К тому же основной разработанный Фрейдом принцип разъяснения – *удовольствие* и его удовлетворение – сам по себе, как показало дальнейшее развитие, односторонен и поэтому недостаточен. Не всех людей можно объяснить, оценивая их по этому уголку психики. Несомненно, что такой уголок есть у каждого человека, но не всегда он главный. Можно подарить голодному великолепное живописное полотно, но ему нужно не оно, а хлеб. Предложите влюбленному пост президента Соединенных Штатов Америки, но он предпочтет этой должно-

сти объятия любимой. В целом всех тех людей, кто не испытывает трудностей с социальной адаптацией и с общественным положением, можно разъяснить с позиции удовольствия в большей степени, нежели тех, кто не смог адаптироваться, то есть, иными словами, тех, у кого вследствие какой-либо ущербности имеет место потребность в чувстве собственной значимости и во власти. Старший брат, идущий по стопам своего отца и добивающийся высокого социального положения, будет пресыщен удовольствиями, а младший брат, которого подавляют и обделяют и отец, и старший брат, будет мучиться от неудовлетворенного честолюбия и ощущения собственной незначительности, станет все остальное подчинять этой страсти, и потому удовольствия не будут для него проблемой – во всяком случае, жизненно важной.

Здесь в системе разъяснения существует ощутимый пробел, который решил заполнить бывший ученик Фрейда Адлер. Он убедительно доказал, что многочисленные случаи неврозов можно лучше объяснить, исходя из *жажды власти*, а не из потребности в удовольствии. Цель его толкований состоит в том, чтобы показать пациенту, как он, ради достижения фиктивной значимости, «располагает» свои симптомы и пользуется своим неврозом. Показать, как, собственно, перенос и прочие фиксации служат стремлению к власти и в какой мере они выражают «живой протест» против воображаемого подавления. Адлер, очевидно, имеет в виду психологию угнетенных или социально неуспешных, чьей

единственной страстью является потребность в собственной значимости. Невротическими эти случаи являются потому, что указанные пациенты воображают себя в угнетенном положении и, возомнив фикцию, воюют с нею, как с ветряными мельницами, вследствие чего успешно делают недостижимой ту самую цель, какой они изо всех сил добиваются.

Адлер, по сути, останавливается на стадии разьяснения, а именно на разьяснении в только что упомянутом смысле, и тем самым взывает, опять-таки, к пониманию. Отличительная черта Адлера заключается в том, что он немного ждет от простого понимания, а отсюда отчетливо проступает необходимость социального воспитания. В то время как Фрейд главным образом выступает как исследователь и толкователь, Адлера можно назвать воспитателем. Он приступает к работе с негативным наследием Фрейда и в ходе лечения не покидает прячущегося в пациенте беспомощного ребенка с его пониманием ценностей, но старается всеми средствами воспитать из него нормального адаптированного человека. Это происходит, очевидно, на основе убеждения в том, что социальная адаптация и нормализация достойной достижения цели представляют собой безусловно необходимое и желательное побуждение для человеческого существа. С этих исходных позиций школа Адлера распространяет свое обширное социальное влияние и отворачивается от бессознательного, доводя временами эту недооценку до полного отрицания. Разворот от фрейдовского преувели-

чения роли бессознательного является неизбежной реакцией, которая, как я уже упоминал, соответствует неприятию каждого стремящегося к излечению и адаптации больного. Ибо если бессознательное и вправду есть не что иное как остатки дурных, теневых сторон человеческой природы, включая доисторические «грязевые» отложения, то невозможно понять, почему человек должен дольше, чем следует, сидеть в этом болоте, куда он когда-то упал. Для ученого лужа может представлять собой мир, полный чудес, но для обычного человека это препятствие, которое лучше обойти, чтобы не замочить ног. Так же, как первоначальный буддизм не знает богов, ибо его задачей было освобождение от пантеона численностью приблизительно в два миллиона божеств, и психология должна была в процессе своего развития по необходимости отдалиться от такого, в сущности, негативного понятия, как фрейдовское бессознательное. Воспитательное намерение школы Адлера начинается там, где кончаются намерения Фрейда, и отвечает на вполне понятную потребность больного – после обретения понимания отыскать путь к нормальной жизни. Больному, конечно же, недостаточно знать, как и откуда пришла его болезнь, ибо редко понимание причин идет рука об руку с устранением неприятной болезни. Нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что ложные невротические привычки и пути становятся упорными неискоренимыми привычками, которые, несмотря на прозрение и понимание, не исчезают, так как не заменяют-

ся другими привычками, которые можно внушить только обучением. Такая работа может быть выполнена лишь за счет настоящего воспитания. Исполненным смысла словом пациент должен быть «увлечен» на другие пути, что возможно только под влиянием мощной воспитывающей воли. Поэтому понятно, почему направление Адлера находит наибольший отклик среди учителей и священников, а направление Фрейда – среди врачей и интеллектуалов, которые, все вместе и по отдельности, бывают отменно плохими санитарами и воспитателями.

Каждая ступень развития нашей психологии имеет в себе что-то по-настоящему окончательное. *Катарсис* с полным выворачиванием наизнанку души заставляет верить: теперь-то все уже здесь, все снаружи, все известно, всякий страх изжит, все слезы пролиты, и отныне все пойдет как надо. *Разъяснение* вещает столь же убедительно: теперь мы знаем, откуда взялся невроз, самые ранние воспоминания извлечены на свет божий, последние корни вырваны, а перенос был не чем иным, как желаемой фантазией из детского рая или возвращением к семейному роману; путь к жизни без иллюзий, то есть к нормальности, свободен. *Воспитание* идет последним, указывает на то, что криво растущее дерево нельзя выпрямить ни признанием, ни разъяснением – для этого нужно искусство садовника, который и приведет дерево в норму. Только так достигаются нормальная адаптация и приспособление.

Эта поразительная окончательность, эмоционально присущая каждой ступени, привела к тому, что сегодня существуют приверженцы катарсиса, которые, очевидно, не слышали о толковании сновидений; последователи Фрейда, не понимающие ни единого слова у Адлера; и почитатели Адлера, не желающие ничего знать о бессознательном. Каждый из них находится в плену истинной завершенности своей ступени, и отсюда проистекает путаница мнений и понятий, которая столь сильно затрудняет ориентацию в этой области.

Но откуда взялось чувство окончательности, порождающее столько авторитарного упрямства со всех сторон?

Я не могу объяснить это иначе, как тем, что каждая ступень покоится на одной окончательной истине, и поэтому снова и снова возникают случаи, которые с наибольшей убедительностью доказывают ту или иную истину. Истина является такой высокой ценностью в нашем переполненном ложью мире, что никто не желает с нею расставаться ради одного-двух так называемых исключений, которые не согласуются с данной теорией. Тот же, кто посмеет усомниться в истине, неизбежно воспринимается как вероломный вредитель, отчего ко всем дискуссиям примешивается нотка фанатизма и нетерпимости.

Но каждый несет свет знания лишь до тех пор, пока его не отнимет кто-то другой. Если бы мы могли воспринимать этот процесс не как нечто личностное, если бы смогли, например, принять, что мы не являемся самостоятельными творцами

наших истин, но выступаем лишь их носителями, простыми выразителями современных психических потребностей, то насколько меньше стало бы яда и горечи; наш взор сделался бы незамутненным, и мы смогли бы разглядеть в душе человечества глубокие надличностные связи.

Вообще люди не отдают себе отчет в том, что катарсис не является некой абстрактной идеей, которая автоматически не производит ничего кроме катарсиса. Но последователь метода катарсиса – это человек, который мыслит достаточно ограниченно, а в своих поступках действует все же как цельный человек. Не называя вещи своими именами, не сознавая даже того, что он делает, такой человек непроизвольно выполняет и разъяснение, и воспитание, так же как другие прибегают к катарсису, принципиально этого не подчеркивая.

Все живое имеет живую историю, даже внутри нас неприметно живет древнее холоднокровное существо. Так и три рассмотренные нами ступени аналитической психологии ни в коей мере не являются истинами, из которых последняя непременно должна пожрать и заменить обе предыдущие; это всего лишь важнейшие проявления одной и той же проблемы, которые противоречат друг другу столь же мало, как отпущение грехов противоречит исповеди.

То же самое относится и к четвертой ступени, к *метаморфозе*. Но и ей не следует предъявлять притязания на то, что она якобы открыла единственную подлинную истину. По-

нятно, что метаморфоза проникает в пробел, оставленный тремя предыдущими ступенями: она просто удовлетворяет еще одну потребность, превосходящую возможности более ранних ступеней.

Чтобы уяснить, какие цели преследует ступень *метаморфозы* и что вообще означает довольно странный термин «метаморфоза», нам придется признаться себе в том, какая потребность человеческой души не была уловлена предыдущими ступенями, или, иными словами, какие еще притязания могут быть шире и выше, чем притязания нормального социально адаптированного человеческого существа. Нормальность человека – это самое полезное и целесообразное, о чем мы вообще можем подумать. Но уже в самом понятии «нормальный человек», как и в понятии «приспособление», содержится ограничение средним уровнем, которое представляется желательным улучшением только тому, кто и без того испытывает трудности в налаживании отношений с обычным миром, кто вследствие своего невроза просто неспособен вести нормальное существование. Стать «нормальным человеком» – идеальная цель для неудачников, для всех тех, кто не достиг среднего уровня адаптации. Однако, для людей, способных на нечто выше среднего уровня, для кого не составляет большого труда достигать успехов и добиваться отличных, а не удовлетворительных результатов, такая идея или моральное принуждение быть всего лишь нормальным, и не более того, становится воплощением прокрустова ложа,

невыносимой смертельной скуки, стерильного и безнадежного ада. Также имеется немалое число невротиков, которые заболевают только оттого, что они нормальны, как есть и те, кто болен, потому что не смог стать нормальным. Мысль о том, что кому-то может прийти в голову идея о воспитании нормальности, означает для таких людей страшный сон, ибо их самая глубокая необходимость фактически состоит в том, чтобы вести аномальную жизнь.

Человек всегда может найти удовлетворение в том, чего у него еще нет; нельзя насытиться тем, что и так присутствует в избытке. Бытие в качестве социального и приспособленного существа не привлекает того, кто может добиться его играючи. Праведнику скучно долго быть праведным, в то время как вечно неправый тайно и страстно стремится к праведности как к далекой цели.

Людям свойственны разные потребности и необходимости. То, что для одного освобождение, для другого тюрьма. Так же обстоит дело с нормальностью и адаптацией. Если один из биологических постулатов гласит: человек – стадное животное и достигает полного здоровья лишь как социальное существо, – то уже следующий пациент ставит этот постулат с ног на голову, так как он полностью здоров только в том случае, если ведет аномальную и асоциальную жизнь. Можно прийти в отчаяние от того, что в реальной психологии не существует общепринятых рецептов и норм. Есть только индивидуальные пациенты с самыми разнооб-

разными потребностями и притязаниями, разнообразными настолько, что вообще нельзя знать заранее, каким путем будут развиваться события, поэтому врач поступит наилучшим образом, если отвлечется от всех готовых мнений. Это не означает, что их надо вообще отбросить – нет, их нужно принимать как гипотезы, как возможные объяснения особенностей конкретного случая. Причем поступать так следует не для того, чтобы поучать или убеждать, а для того, чтобы в большей степени показать пациенту, как врач реагирует на его особый случай. Ибо, как ни поверни, отношения между врачом и пациентом суть личные отношения, включенные в рамки безличного врачебного подхода. Никаким искусным приемом не избежать того, что лечение является производным обоюдного влияния, в котором целиком, всем своим существом, участвуют как пациент, так и врач. В лечении имеет место встреча двух иррациональных сущностей, а именно, двух людей, каковые не являются ограниченными и определенными величинами, но у которых, помимо их, возможно, определенного сознания, присутствует обширная и неопределяемая область бессознательного. Поэтому для результата лечения личность врача (как и пациента) часто бесконечно важнее, чем то, что врач говорит или имеет в виду, хотя не следует недооценивать ту пользу или вред, какие могут причинить слова. Встреча двух личностей напоминает смешение двух различных химических веществ: если соединение происходит, то изменяются оба вещества. В каждом

случае психологического лечения врач неизбежно оказывает влияние на пациента. Это влияние, однако, может иметь место только тогда, когда пациент чем-то поражает врача. Влияние есть синоним удивления. Врачу не будет пользы оттого, что он станет скрывать влияние пациента на себя и окружать себя ореолом отечески-профессионального авторитета. Этим он только откажет себе в использовании наиболее существенного органа познания. Пациент воздействует бессознательно, чем вызывает изменения в подсознании врача; хорошо известные многим психотерапевтам, подлинные профессиональные душевные нарушения или настоящие заболевания превосходно объясняются так называемым химическим влиянием пациента. Одним из самых известных проявлений такого рода является возникающий под действием переноса *контрперенос*. Но зачастую влияние носит куда более тонкий и незаметный характер, и объяснить это влияние нельзя иначе, чем посредством старой идеи переноса болезни на здорового человека, который за счет своего здоровья должен победить демона болезни, что неизбежно вызывает негативные последствия для его самочувствия.

Между врачом и пациентом действуют иррациональные факторы отношений, каковые вызывают *изменение* в обоих участниках контакта. При этом окончательный вид отношениям придает более устойчивая, более сильная личность. Мне приходилось наблюдать множество случаев, когда пациент уподоблял себе врача вопреки всем теориям и профес-

сиональным взглядам, причем, как правило, в ущерб врачу.

Степень метаморфозы зиждется на фактах, для ясного понимания которых требуется нечто большее, нежели четверть века предшествующего всеобъемлющего практического опыта. Признав эти факты, сам Фрейд принял мое требование, что анализировать надо и врача.

Что означает это требование? Оно означает лишь то, что врач находится внутри анализа точно так же, как пациент. Подобно этому последнему, он предстает такой же составной частью психологического процесса лечения и, значит, в такой же степени подвержен преобразующим влияниям. В той мере, в какой врач остается недоступным для этих влияний, он лишает себя возможности воздействовать на пациента, а так как влияние пациента бессознательно, то в сознании врача возникает пробел, который делает невозможным правильное лечение. В обоих случаях качество лечения страдает.

Врач нагружен той же задачей, какой он хочет нагрузить пациента, например, задачей быть социально адаптированным существом или, в других случаях, наоборот, избегать приспособления. Вполне естественно, что психотерапевтические требования могут рядиться в тысячу различных формул в зависимости от метода. Один верит в преодоление инфантилизма и потому должен сначала преодолеть собственный инфантилизм. Другой верит в выплескивание аффектов, а значит, должен выплеснуть все свои аффекты. Третий верит в полную осознанность и должен добиваться пол-

ной осознанности собственного «Я», или, по крайней мере, упорно стремиться к выполнению своих психотерапевтических требований, если хочет оказывать правильное влияние на пациента. Все эти ведущие психотерапевтические идеи подразумевают важные этические требования, которые в совокупности находят наивысшее выражение в простой истине: *ты должен стать таким, каким ты хочешь казаться*. Красноречие само по себе всегда считалось пустым занятием, и, безусловно, не существует никакого искусного приема, который позволил бы долго обходить эту простую истину. Убеждать надо не *в чем*, а *чтобы*, и это правило верно во все времена.

Четвертая ступень аналитической психологии требует встречного применения общепризнанной системы к самому врачу, причем с той же беспощадностью, теми же последствиями и тем же упорством, какие сам врач проявляет в отношении пациента.

Если оценить, с каким вниманием и критикой должен психолог следовать за своим пациентом, чтобы раскрыть все его заблуждения, неверные выводы и инфантильные тайны, то для врача будет немалым достижением приложить эту методику к самому себе. Люди обычно мало интересуются собой; нам, как говорится, не платят за интроспективные усилия. Сверх того, неуважение и пренебрежение истинами человеческой души до сих пор столь велико, что самонаблюдение и внимание к себе считают едва ли не болезнью. Очевидно,

что люди не чувствуют здоровья в собственной душе, поэтому занятие ею пахнет для человека больничной палатой. Это сопротивление врач должен преодолеть в себе, ибо как может воспитывать тот, кто сам не воспитан, как может просвещать тот, кто сам бродит в темноте, как может контролировать других тот, кто сам необуздан?

Шаг от воспитания к *самовоспитанию* является логическим продолжением, которое дополняет и завершает все предыдущие ступени. Требование ступени метаморфозы, которая заключается в преображении врача ради обретения способности менять пациента, не является, как можно легко догадаться, популярным требованием: во-первых, потому, что оно кажется непрактичным и бесполезным; во-вторых, занятие собой подвержено неприятному предубеждению; и в-третьих, временами становится очень болезненно оправдывать самому все те ожидания, которые врач с такой легкостью возлагает на пациента. Последний пункт в особенности служит непопулярности этого требования, ибо тот, кто воспитывает себя и работает над собой, быстро обнаруживает, что в нем присутствует то, что противится нормализации, что, несмотря на длительное разъяснение и разрядку, подобно призраку продолжает оказывать свое вредоносное воздействие. Как тут быть? Верно, что врач всегда знает – к этому обязывает профессиональный долг, – что должен делать пациент. Но как поступать самому, да еще исходя из глубочайшего убеждения, когда речь идет о нем самом? Или, может

быть, о его ближайших родственниках? В этих изысканиях он откроет в себе неполноценность, которая подозрительно тесно сблизит его с пациентами и, возможно, станет подрывать его авторитет. Как обойдется он с этим болезненным открытием? Эти, в известной мере «невротические», вопросы затрагивают глубины его существа, невзирая на то, каким нормальным он может казаться самому себе. Еще он обнаружит, что последние вопросы, которые угнетают его ничуть не меньше больных, не могут получить ответ никаким лечением, что другие решения всегда будут детскими и останутся таковыми, что без решения вопросы по необходимости снова окажутся вытесненными.

Я не стану дальше перечислять проблемы, возникающие при исследовании самого себя, ибо сегодня, при почти полном незнании души, они представляют очень небольшой интерес.

Напротив, мне хотелось бы подчеркнуть, что новейшие достижения аналитической психологии заставляют задаться общим вопросом об иррациональных факторах человеческой личности и выводят на первое место личность самого врача – как исцеляющий фактор или его противоположность, в результате чего главным требованием становится собственная метаморфоза врача, то есть *самовоспитание воспитателя*. Тем поднимается на субъектную ступень все, что было объективно присуще нашей психологии в ходе ее истории, признание, разъяснение и воспитание; иными сло-

вами, все то, что произошло с пациентом, должно произойти и с врачом, чтобы его личность не могла неблагоприятно повлиять на пациента. Врач не имеет права уклоняться от собственных трудностей за счет того, что он лечит трудности других так, как будто у него самого нет никаких душевных затруднений.

Как раньше школа Фрейда, благодаря далеко идущему открытию теневой бессознательной стороны, внезапно оказалась в том положении, в котором ей пришлось разбираться даже с религиозно-психологическими вопросами, так новый поворот привел к тому, что этическая позиция врача неизбежно стала весьма проблематичной. Неразрывно связанные с этим вопросом самокритика и самопознание сделают необходимым совершенно иное, по сравнению с прежним, чисто биологическим, понимание души, ибо человеческая душа, безусловно, не является предметом естественнонаучно ориентированной медицины: здесь важен не только больной, но также и врач, не только объект, но и субъект, не только функция мозга, но и абсолютное условие нашего сознания.

Как случилось ранее с методами медицинского лечения, методы самовоспитания выступают на передний план, и горизонт нашей психологии раздвинулся до безграничных пределов. Авторитет определяется не врачебным дипломом, а человеческими качествами. Этот поворот крайне значим, ибо он ставит весь арсенал психиатрического искусства, каковое развивается в непрестанной работе с больными и ста-

новится более тонким и систематическим, на службу самовоспитанию, самосовершенствованию; тем самым аналитическая психология разрывает цепи, которыми она до сих пор была прикована к кабинету психотерапевта. Она воспаряет над собой и начинает заполнять тот огромный пробел, который до сих пор определял душевный недостаток Запада в сравнении с восточными культурами. Мы знали лишь подавление психики и смирительные рубашки, но не занимались методичным развитием души и ее функций. Наша культура еще молода, а юные культуры нуждаются в искусстве укротителей, чтобы привести в хотя бы относительную форму все отвратительное, варварское и дикое. Однако на высших ступенях культуры развитие должно заменить – и наверняка заменит – принуждение. Для этого нам нужны способы и методы, которых у нас до сих пор не было. Мне представляется, что знания и опыт аналитической психологии могут предоставить для этого, по меньшей мере, основу, ибо в тот миг, когда исходно медицинская психология превращает самого врача в обезличенный предмет, она перестает быть просто методом лечения больного. Сейчас она имеет дело со здоровыми – по крайней мере, с теми, кто предъявляет моральные притязания на душевное здоровье, с теми, болезнь которых, в самом предельном случае, может быть страданием, причиняющим муки всем. Поэтому наша психология притязает на то, чтобы стать всеобщим достоянием, причем в большей мере, чем предшествующие ступени, каждая из ко-

торых уже являлась носителем всеобщей истины. Однако между этим притязанием и сегодняшней действительностью лежит пропасть, через которую нет моста. Строить его предстоит постепенно, камень за камнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.